

БОМБОРА

«Идеальная отправная точка для разрушения сексуальных стереотипов и переосмысления человеческих отношений».

THE WASHINGTON POST

ВСЕ О СЕКСУАЛЬНОСТИ ТАК ДАЛЕКО

почему люди
не хотят секса,
когда сексуальность
возведена в культ

18+

АНДЖЕЛА ЧЭНЬ

Сексуальный интеллект. Книги, которыми стоит заняться

Анджела Чэнь

**Асексуалы. Почему люди
не хотят секса, когда
сексуальность возведена в культ**

«ЭКСМО»

2020

УДК 392.6
ББК 57.01

Чэнь А.

Асексуалы. Почему люди не хотят секса, когда сексуальность возведена в культ / А. Чэнь — «Эксмо», 2020 — (Сексуальный интеллект. Книги, которыми стоит заняться)

ISBN 978-5-04-178881-0

Американский научный журналист Анджела Чэнь исследует асексуальность как масштабное общественное явление. Что значит не испытывать сексуального влечения вообще никогда? Кажется, что раз нет секса, то нет и с ним связанных проблем. Но на деле «асам» (так называют себя асексуалы) приходится жить в обществе, которое помешано на телесности. И всегда найдутся те, кто будет жалеть «асов» и удивляться, что же с ними не так. А с ними все в порядке, им просто не хочется. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 392.6
ББК 57.01

ISBN 978-5-04-178881-0

© Чэнь А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие автора	7
Часть I. Личный опыт	8
Пролог	8
Глава 1. Знакомство с асексуальностью	9
Глава 2. Объяснение через отрицание	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анджела Чэнь

Асексуалы. Почему люди не хотят секса, когда сексуальность возведена в культ

Angela Chen

Ace: What Asexuality Reveals about Desire, Society, and the Meaning of Sex

© Глазкова Т., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Для всех, кто прежде желал большего

Если ты не занимаешься сексом, о чем с тобой разговаривать?
Стар Джонс, The View

Сексуальная идентичность, сексуальное поведение, сексуальные предпочтения: каждый человек сталкивается с необходимостью определить отношение к своей и чужой сексуальности. При этом мы окружены информационной средой, которая бесконечно апеллирует к теме секса: «продающая», объективирующая женщин и мужчин реклама, разговоры в барах и на кухнях, споры подростков с родителями, скандалы в обществе, связанные с сексуальным поведением людей. А что же происходит с теми, кому тема половых отношений не интересна?

На постсоветском пространстве распространено мнение, что в странах Европы и Америки будто бы развилась чуждая нам тенденция множить идентичности: вариации сексуальностей, гендера и так далее. И будто бы асексуальность – это одна из таких «выдуманных» сущностей. Но на деле и в нашей стране растет интерес к многообразию естественных предпочтений, в том числе и к асексуальности. Об этом говорит даже российская статистика интернет-запросов.

Поэтому мне кажется, что книга Анджелы Чэнь является важным проводником в не самую понятную тему, на которую мы, конечно, должны говорить и в России.

Считается, что асексуальных людей в мире всего около 1 % (и большинство из них женщины). Но проблема в том, что отличать асексуальность от сексуальной девиации научились далеко не все и на самом деле асексуальных людей может быть намного больше.

Анджела Чэнь в своей книге показывает очень важный взгляд на проблему сексуальности от людей, чьи голоса часто остаются за пределами общественного внимания, а уж если и попадают в его фокус, то скорее с позиции непонимания и стигматизации: «что же не так с людьми, которые не хотят заниматься сексом, как это так, ведь это же ненормально».

В этом контексте я абсолютно уверена, что появление этой книги – невероятно важное событие, которое направлено на дестигматизацию опыта асексуальных людей.

Анджела Чэнь в этом тексте помогает нам разобраться в том, в какой исторической точке развития дискуссии о сексуальности и асексуальности мы находимся, а также намечает возможные пути развития. Честно говоря, вектор движения, который видит авторка, дает надежду на то, что общество перестанет навязывать модели поведения и станет более терпимым к самым разным человеческим проявлениям.

В процессе чтения мне казалось, что у авторки получилось сделать то, что когда-то получилось у Симоны де Бовуар в книге «Второй пол», позже у Наоми Вульф в ее «Мифе о красоте» и, например, у Маши Халеви в книге «Полиамория. Свобода выбирать». Все они расширяют устоявшиеся представления о мире, показывают его неоднородность, подсвечивают точки уязвимости других людей, что для многих в свое время стало настоящим «спасательным кругом» и помогло больше не чувствовать себя загнанным в рамки общественных ожиданий. Каждая подобная работа дает мощный толчок для общественных изменений и большего принятия любой инаковости.

Особенно трогательным и важным в этой работе я нахожу бережность, с которой авторка анализирует сложность переживаемого опыта. Она не претендует на безусловное распространение сделанных выводов на всю генеральную совокупность человечества.

В книге мы видим не только личные истории, но и данные серьезных исследований (есть довольно понятный для любого специалиста в области исследований гендера и сексуальности список литературы), что помогает еще лучше понять и сам феномен асексуальности, и его разные проявления.

Анджела Чэнь очень наглядно показывает, что такое навязанная сексуальность, как она связана с развитием общества и почему во многом отношение к сексуальности основано на патриархальных установках. Чем лучше мы понимаем, как работает система, тем эффективнее можем придумывать инструменты для решения проблем, связанных с этой системой. И в этом смысле эта книга точно будет полезна для целого спектра специалистов помогающих профессий (особенно для практикующих психологов, консультантов в сфере сексуальных отношений). Чем чаще мы даем слово и пространство для самовыражения тем, кто «находится за пределами этого мира» (как пишет Анджела), тем глубже в итоге мы понимаем самих себя и тем лучше мы можем помочь другим.

Я думаю, что отдельным ярким и важным аспектом этой книги является еще и то, что мы видим в ней ответ на вопрос: а как именно могут строить романтические отношения асексуальные люди? То есть мы фактически можем увидеть работающие модели отношений, на которые раньше нам не хватило бы воображения. А отсутствие интереса к сексуальным практикам не препятствует построению близких отношений, романтических отношений и даже не мешает созданию семьи.

Я абсолютно уверена, что чем разнообразнее у человека репертуар поведенческих сценариев, тем он свободнее и тем лучше переносит неопределенность и сложные психологические состояния (что доказано огромным количеством психологических исследований). И важный момент: для некоторых людей асексуальность может быть одним из периодов, так как любая сексуальность пластична и не является чем-то, что в неизменном виде существует на протяжении всей жизни.

Если вам в руки попала эта книга, то высока вероятность, что даже если вы не являетесь асексуальной персоной, вы сможете увидеть где-то точки пересечения с собственным опытом. В жизни большинства из нас был хотя бы один момент, когда мы оказывались в недоумении: почему человеческие отношения в итоге сводятся только к сексу, неужели нет ничего интереснее? Если вы часто ловили себя на такой мысли, то мне тем более хотелось бы порекомендовать вам этот текст, вы точно получите удовольствие и почувствуете, что вы в своих ощущениях не одиноки. А если у вас подобных переживаний в жизни не случалось, то вы как минимум сможете лучше понять опыт других людей и, может быть, нащупаете в себе новую бережность и чуткость.

*Анна Край, психолог, гендерный исследователь,
автор Telegram-канала «Из крайности в крайность»*

Предисловие автора

ДО СИХ ПОР НЕ БЫЛО написано ни одной книги об асексуальности. С другой стороны, ни одной из них не охватить весь опыт асексуала. Эта книга призвана дать общее представление о проблемах, связанных с асексуальностью, и о сексуальности и желаниях в очень конкретном контексте. Я преднамеренно рассказываю о людях, которых психологи называют WEIRD¹: эта аббревиатура расшифровывается как западный, образованный, промышленно развитый, богатый (или, по крайней мере, принадлежащий к среднему классу) и демократичный. Большинство из них американцы и либералы – это слово я использую в книге для обозначения культурно либеральных и, как правило, сексуально позитивных личностей. Книга нарочито современна. Истории, рассказанные в ней, взяты из моей собственной жизни, а также из обширных интервью с другими асексуалами. Я обещала своим собеседникам анонимность, поэтому во многих случаях использую вымышленные имена.

Словом «мы», часто встречающимся в этой книге, обозначается разное. Иногда сообщество асексуалов, поскольку я отношу себя к ним, а иногда и все общество западных либеральных американцев, в основном принадлежащих к высшему среднему классу. Я надеюсь, что будет написано еще много книг об опыте тех, кто находится за пределами этого мира. Им тоже есть что сказать.

¹ Western, educated, industrialized, rich (or at least middle class) and democratic. – *Здесь и далее прим. пер.*

Часть I. Личный опыт

Пролог

РЕСТОРАН ВЫБРАЛА ДЖЕЙН, так как я все равно собиралась провести весь день в Силвер-Спринг, а она специально приехала из Балтимора, чтобы повидаться со мной. Наши общие знакомые часто шутили, что мы клоны – книжные черви, интересующиеся нейробиологией, и она даже коротко постриглась вслед за мной, – но теперь меня интересовали различия между нами.

– Хочу тебя спросить, – сказала я, как только мы расположились за столиком в выбранном ею бирманском ресторанчике. – На что похоже сексуальное влечение?

Джейн заерзала на стуле. Нам обоим было по двадцать четыре года. Она была девственницей и никогда не встречалась с парнями, в то время как у меня во второй раз были серьезные отношения. Моим парням, как и мне, нравился секс, и я считала себя счастливицей с таким незамысловатым сексуальным прошлым. И все же именно я спрашивала свою подругу, каково это – испытывать сексуальное влечение.

Мне нужен был ориентир, что-то, что я могла бы сравнить со своим собственным опытом, чтобы увидеть совпадения и различия.

– Я не имею в виду, каково это, когда тебе кто-то нравится, – продолжила я; это чувство мне тоже было знакомо. – Или каково это – очень сильно хотеть отношений с кем-то.

Это чувство я тоже испытывала, причем оно было настолько глубоким, что я даже стыдилась его. У меня не было проблем с физическим возбуждением во время секса, и я была недостаточно наивна, чтобы полагать, что физическое желание – это единственная причина для секса. Люди занимаются сексом, чтобы чувствовать близость со своим партнером или лучше относиться к себе, чтобы противостоять скуке и отвлечься от проблем.

Чего я не знала, так это того, что значит хотеть секса, не имея в виду конкретного человека. Просто думать о сексе наедине с самой собой. Ощущать физическое влечение, отличное от желания создать эмоциональную близость. У меня было больше сексуального опыта, чем у Джейн, но именно она открыто говорила о похоти и либидо. Между тем язык сексуального влечения не имел для меня никакого смысла.

Джейн попробовала салат из чайных листьев, затем постучала вилкой по тарелке.

– Я хочу быть рядом с кем-то физически, даже если это просто незнакомец, – сказала она. – Я нервничаю. Я начинаю вертеть в руках разные вещи. Мне становится тепло.

Она запнулась, затем извинилась, потому что ее ответ был не слишком точным.

– Не знаю, – сказала она. – Это просто чувство.

Но этого было достаточно. Расплывчатое описание Джейн показало: то, что я выдавала за сексуальное влечение даже самой себе, было чем-то совершенно другим – эстетической оценкой, стремлением к эмоциональной и физической близости, в какой-то мере собственничеством. Все это связано с сексуальным влечением и может усиливать его, но это не то же самое, что сексуальное влечение.

– Это просто интеллектуальное упражнение? – спросила Джейн.

– Нет.

Глава 1. Знакомство с асексуальностью

В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ Я НАТОЛКНУЛАСЬ на слово «асексуальность», как и большинство людей, в интернете. Я прочитала определение на asexuality.org, веб-сайте Сети видимости и образования асексуалов (AVEN)²: «Асексуал – это человек, который не испытывает сексуального влечения». Я узнала, что асексуальность – это сексуальная ориентация, как и гомосексуальность, пансексуальность и гетеросексуальность. Гомосексуалист испытывает сексуальное влечение к своему же полу; асексуал не испытывает его ни к кому.

В Кремниевой долине, откуда я родом, спокойно относились к альтернативному образу жизни, и я была рада, что узнала что-то новое о мире и других людях. Я без труда поверила, что асексуальность – это нормально, здорово и правильно, и что эти самые асексуалы (или асы) имеют право на долгую и счастливую жизнь без насмешек со стороны окружающих. Но эти познания не изменили моего мнения о самой себе.

Я неверно истолковала фразу «человек, который не испытывает сексуального влечения» как «человек, который ненавидит секс» – и поэтому лично я не могла быть асексуалом. У меня еще не было секса, но я много думала о нем. Вот что странно в этой ориентации и во всех тех заблуждениях, которые она несет. Можно быть асексуалом и не осознавать этого, увидеть это слово, пожать плечами и двигаться дальше. Просто определения этого явления недостаточно; нужно погрузиться глубже.

Поскольку я не считала себя асексуалом, мне казалось, что эта тема меня не касается. В этом я тоже заблуждалась. Сексуальность повсюду, и везде, где сексуальность пронизывает общество, там же присутствует и асексуальность. Проблемы, с которыми борются асексуалы, – это те же проблемы, с которыми люди любой ориентации могут столкнуться в какой-то момент своей жизни.

Возьмем, к примеру, вопрос о том, как часто и сильно мы хотим секса. Сказывается ли редкое желание и слабое влечение на здоровье? Как это связано с расой, гендерной идентичностью или инвалидностью? Как потребность в сексе влияет на нашу жизнь в обществе, нашу личность и наши отношения с будущими партнерами?

Это общие вопросы, основанные на опыте разных людей. Ответы на них асексуалов отличаются от ответов всего остального общества, – и в данной книге делается попытка сопоставить мнения этих двух групп. Для этого я пообщалась с почти сотней асексуалов как по телефону, так и лично. Я задавала вопросы о влечении, идентичности и любви. Ответы, которые мне давали, редко были простыми, поскольку их, да и мой собственный, опыт был непростым. Во всем, что касается асексуалов, есть множество разных нюансов. Поэтому их ответы хоть и искренние, но иногда звучат несколько запутанно.

Среди опрошенных был мужчина, который вырос в религиозной среде и следовал всем ее правилам, но после женитьбы понял, что секс – не то чудо, которое ему обещали. Была женщина, которая сдавала анализы крови в старших классах, потому что была убеждена, что отсутствие у нее желания заниматься сексом – симптом серьезного заболевания. Что же касается асексуалов-инвалидов, они с трудом вписываются в какое-либо сообщество, заставляя задаваться вопросом, где граница между их ограничениями и асексуальностью и стоит ли вообще ее искать. Цветные и гендерно-неконформные асы задаются вопросом, является ли их асексуальность реакцией на стереотипы. Все задумываются о том, как разделить дружбу и романтику, когда секс не является частью отношений. Асексуалы, которые не хотят романтических отношений, задаются вопросом, есть ли для них место в мире, четко ориентированном на опреде-

² 1. The Asexuality Visibility and Education Network, <https://asexuality.org/>.

ленный тип партнерства. А асы, которые действительно хотят романтики, указывают на то, что необходимость соглашаться на секс не позволяет удовлетворить их потребности.

Даже при отсутствии простых ответов эти истории позволяют изменить взгляд на то, как все мы, вне зависимости от ориентации, относимся к нашей сексуальности. Большинство людей ограничены сексуальными нормами; асексуалов эти нормы иногда даже делают изгоями. Это дает им возможность изучить правила общества с позиции стороннего наблюдателя. Часто асексуалы исследуют неявные сексуальные стереотипы и сценарии, связанные с определениями, чувствами, действиями, а также как эти нормы обедняют нашу жизнь. Асы изобрели новую линзу, которая фокусируется на реальности, а не на том, что якобы свойственно человеческой природе.

* * *

В четырнадцать лет я знала только то, что мой опыт сексуальности не соответствовал опыту асов, описанному в журналах. Я считала себя обычной, такой же, как почти все мои друзья и значительная часть населения.

Напротив, многие асы, о которых я читала в статьях или у которых брала интервью для этого проекта, признавались, что ощущали разницу с раннего возраста. Их истории вызывали в памяти наш разговор с Люсидом Брауном, художником, недавно окончившим Эмерсон-колледж в Бостоне. «Мать трижды пыталась заговорить со мной на эту тему, когда я был ребенком, но я прерывал ее все три раза», – рассказывал он. (Люсид, как и многие люди, с которыми я беседовала, относит себя к небинарным.)

Люсид рассказывал мне, как в средней школе все прятались за деревом и подсматривали за целующейся парой. Остальные, казалось, испытывали трепет от возбуждения, но Люсид чувствовал только недоумение, не понимая привлекательности поцелуев или интереса к ним одноклассников. При половом созревании, конечно, многое может сбивать с толку, независимо от ориентации. Для асов сложности возникают не только из-за невозможности ориентироваться во всем, что связано с сексуальностью, но и из-за того, что они чувствуют себя полностью исключенными из мира секса и наблюдают за тем, как другие приобщаются к нему. Сплетни вращаются вокруг любви и поцелуев. Секс – у тех, у кого он есть, или же у тех, кто его хочет, – становится ключевой темой разговора. Всеобщая одержимость им может показаться непонятной, как будто все лишились разума.

Как бы часто Люсиду ни приходилось слышать о сексуальном возбуждении от сверстников, он не хотел заниматься сексом. Секс и все, что было с ним связано, отталкивали его. (У асексуалов различная толерантность к сексу. На протяжении всей книги я использую слово «секс» для обозначения партнерской сексуальной активности, начиная с отношений и далее.)

У многих асов одна лишь мысль о сексе вызывает отвращение: «как если бы вы сказали натуралу, что увлекаетесь зоофилией», – признаются они. Люсид реагировал еще сильнее. Ему казалось, будто внутри него ползают извивающиеся и корчащиеся угри. Они обитали в разных частях тела: один в кишечнике, другой вдоль позвоночника. Организм отвечал на столь неприятные ощущения мгновенно реакцией «бей или беги» с тошнотой, сердцебиением и оцепенением.

Реакция Люсида не была предсказуемой. Ее нельзя было четко объяснить: к примеру, разговоры о сексе вызывают небольшое отвращение, а просмотр сексуальных сцен по телевизору более сильное. Подробное обсуждение полового акта могло вызвать у него большее отвращение, чем изображение обнаженного тела, но почему – было неясно. Все это было очевидно для других и сделало Люсида мишенью для особо изощренных издевательств: дети выкрикивали в его адрес сексуальные шутки и, «по сути, использовали его сексуальное отвращение против него же».

Итак, решил Люсид, очевидно, что он не натурал. Многие асы предполагают, что они геи, прежде чем задаться вопросом, правильный ли это выбор. Другие начинают использовать слово «асексуальный», глядя на прочие сексуальные ориентации и делая вывод, что это единственный оставшийся вариант. Люсид идентифицировал себя как «несексуальный» до того дня, когда наткнулся на колонку Dear Abby в Maui News³. Читатель New England ACE задал вопрос, на каком свидании нужно признаться в своей ориентации. Эбби ответила, что вовсе не обязательно сообщать об этом сразу, добавив, что автор письма не единственный асексуал, и упомянула AVEN. Тринадцатилетний Люсид украл этот экземпляр газеты с обеденного стола.

Уже одно только слово само по себе было ответом, имевшим четкий, прямой смысл. Люсид явно был асексуалом, но не знал, что для этого опыта существует название – о нем мало кто слышал или читал. Ведь принято считать, что все люди – аллосексуалы (или алло), то есть испытывают сексуальное влечение. Другими словами, аллосексуалы – это не асы.

«Слово „асексуальность“ помогло мне понять уже случившееся со мной, – делился Люсид. – Я впервые услышал: „Ты можешь просто не заниматься сексом“, – и испытал невероятное облегчение. Ведь все говорили о нем как о чем-то страшно важном, и считалось, что я тоже буду этого хотеть, и это было просто ужасно, абсолютно ужасно».

После паузы он добавил: «Это было похоже на первый шаг, ключ, открывший шкатулку, в которой были другие шкатулки. Асексуальность была самым очевидным объяснением, и она помогла мне лучше понять особенности моей личности». Это слово открывало доступ к важной информации, которая раньше была недоступна.

* * *

В средней школе я сплетничала о мальчиках. В старшей школе у меня возникли сложные, противоречивые отношения с одноклассницей, которые сначала заставили меня задуматься, не бисексуал ли я. Затем, когда мне не понравились прикосновения, появилась мысль, что я, вероятно, все-таки натурал. Даже во время учебы в колледже было мало причин подозревать, что я асексуал. Я считала себя застенчивой, невротичной и предпочитающей мужчин.

Мысль о том, что я могу быть асексуалом, казалась смешной. Я считала Эдриана Броуди привлекательным, а Ченнинга Татума не слишком, и у меня в ходу были сексуальные шутки и лукавые намеки, от которых краснели мои более приличные друзья. Я говорила о вожделении и внимательно слушала истории о сексуальных приключениях, но мне никогда не приходило в голову, что мои друзья и я использовали язык желания по-разному. Для них слово «горячий» могло указывать на физическое влечение такого типа, какой описала Джейн. Для меня «горячий» означало восхищение отличной фигурой. Их сексуальные контакты часто были мотивированы либидо; я даже не подозревала, что у меня оно отсутствует.

Меня мало интересовал секс с мужчинами, хотя отовсюду – из книг, по телевидению, от друзей – шло послание, что это фантастические ощущения. Но мне было очень любопытно, каково это – быть желанной, быть любимой кем-то, кого я тоже желала, желала всем сердцем, чего не было с моим первым парнем – одноклассником. Это была настоящая причина моего вожделения.

И тогда появился Генри. Мы с Генри познакомились, когда нам было по двадцати одному году. После первого разговора я написала в своем дневнике: «УСПОКОЙСЯ, ЧЕРТОВО СЕРДЦЕ» – вот так, заглавными буквами. Мы общались по интернету – он жил Техасе, а я в Калифорнии. Несмотря на отсутствие личных встреч, мы полюбили друг друга – после писем, чатов и многочасовых разговоров.

³ Abigail van Buren, Dear Abby: Condolences Better Late than Never, Monterey Herald, syndicated in Maui News, September 16, 2013, <https://www.montereyherald.com/2013/09/16/dear-abby-condolences-better-late-than-never/>.

Мы увиделись впервые почти через год. Наши отношения длились всего несколько месяцев, но их последствия отравляли мне жизнь намного дольше. И оглядываясь на события с того первого разговора до вопроса, заданного Джейн в бирманском ресторане, я понимаю, что отношения с Генри – это рубеж между «до» и «после». Именно после разрыва с ним я узнала о собственной асексуальности. Наши отношения послужили для меня не только поводом узнать больше о своей сексуальности, но и опытом романтической любви и длительной боли от потери.

Первая любовь всегда кажется чудом. Я же влюбилась в кого-то, кто был далеко от меня, с кем, как мне казалось, была возможна только дружба; нам нужно было изменить нашу жизнь, чтобы быть вместе; и наши чувства в глубине сердца действительно изменили реальность – все это сделало этот момент времени, этого человека еще более необычными. Наши усилия обозначили эти отношения как особые, а серьезность нашего плана стала свидетельством серьезности наших чувств, того, что наша связь – это больше, чем подпитывание собственного самолюбия и просто увлечение. В этом, я уверена, мы не ошиблись. Ничто ни тогда, ни после не поколебало мою веру в то, что, какими бы жутко незрелыми мы ни были, по своей сути эти чувства были редкими и глубокими.

Техас и Калифорния далеко друг от друга, но это был последний год обучения в колледже, и жизнь каждого из нас в любом случае вот-вот должна была измениться. Мы договорились, что оба переедем в Нью-Йорк после окончания учебы. Я могла бы работать журналистом, а он поступил бы в аспирантуру. Но когда Генри не приняли ни в один университет в этом городе, он решил поступить в вуз на юге и настаивал на пятилетних открытых отношениях на расстоянии.

Мне это было не по силам. Я была настолько недоверчивой и уязвимой, что написала в своем дневнике: «Пусть тебе – не понятно почему – раньше не приходило это в голову, помни: ты тоже можешь просить других о чем-то. Ты можешь просить их пойти на компромисс. Не всегда именно ты должна уступать».

Я должна была сказать «нет», но боялась потерять его. Так что я сделала ошибку и сказала «да».

* * *

Перед тем как отправиться на юг, Генри решил провести лето в Нью-Йорке, чтобы якобы посещать языковые курсы, но на самом деле быть со мной. Мы договорились жить вместе, ни разу не встретившись до этого.

Месяцы, которые нам предстояло провести вместе, уже казались болезненно короткими по сравнению с тем, что нам предстояло. Быть вместе и не тратить время на дорогу было нашим самым сильным желанием.

Это лето было болезненным, и по многим причинам у нас ничего не вышло. Не из-за секса – точнее, не совсем из-за него. Наши странные отношения были не безоблачными, но мы считали друг друга привлекательными, и мне нравилось заниматься сексом с Генри. Это было интимно, как будто я переживала то, что было недоступно другим. Я получила то, что мне всегда хотелось испытать: не сексуальное удовольствие, а острые ощущения от чего-то особенного.

Сам по себе секс не создавал проблем, их создавал мой страх перед определенным аспектом сексуальности. Хотя в те месяцы мы были моногамными, перспектива пяти лет открытых отношений пугала меня, и мне было трудно принять, что Генри хотел заниматься сексом с другими. Так как я была убеждена, что Генри тут же влюбится, как только переспит с кем-то еще, любое упоминание о сексуальном влечении – его или кого бы то ни было – вызывало мучительные проекции отказа.

Вскоре страх перед неопределенным будущим затмил ощущение безопасности в настоящем. Я хотела быть сильной и при этом убежать от Генри, и этот токсичный коктейль разрушил наши отношения. Снова и снова я чувствовала, как эмоции выходят из-под контроля, но не находила в себе сил, чтобы остановиться. Моя паника проявлялась в постоянных попытках расстаться, поскольку я очень боялась, что меня бросят. Во время непрерывных боев я отмахивалась и приводила в качестве причин моего недовольства любые проблемы, но никогда прямо не произносила слова «страх» или «неуверенность». Я не могла ни сказать, что боюсь, ни признать, насколько меня это волнует.

Однажды, возвращаясь с работы домой, я шла мимо цветочного магазина и купила для Генри красные гвоздики. Когда я пришла домой, и он спросил меня, откуда цветы, меня испугала перспектива признаться в добром спонтанном жесте. Я сказала, что взяла цветы у коллеги на работе, подумав, что они будут красиво смотреться на обеденном столе.

* * *

В конце концов Генри надоел наш роман, и осенью он вполне ожидаемо расстался со мной. Несмотря на разрыв, я продолжала думать о наших бесконечных разговорах об открытых отношениях: Генри говорил, что мужчины всегда будут изменять, потому что это естественно, что цепляться за моногамию старомодно, и что я могла бы принять это, если бы изо всех сил постаралась.

Утверждения Генри вызвали у меня новый глубокий страх перед всем, что связано с флиртом, сексом или романтикой. Когда мой сосед по квартире смотрел старые сезоны «Скандала», где главные герои целуются в каком-то темном коридоре, я убегала к себе в комнату и закрывала дверь. Если кто-то пытался меня обнять на свидании, я немедленно отстранялась. Мне никогда не нравилось, когда меня трогают незнакомцы, но, став холодной и циничной, я ужасно этого боялась. Я очень скучала по Генри и теперь верила, что все отношения закончатся либо предательством, либо ощущением у партнера, что он попал в ловушку.

Однажды вечером, спустя почти два года после последней встречи с Генри, я обнаружила, что рассказываю своему другу Томасу о том, как плохо все закончилось. К этому моменту я уже многим рассказала о нашем неудавшемся романе, я просто заиклилась на нем. Я была убеждена, что люди не смогут понять меня, не зная о Генри, и что я не смогу понять себя, пока не отвечу на вопрос, почему мы потерпели неудачу. Ответ на него совпадал для меня с ответом на вопрос, почему я себя так вела. Томас так и не смог понять, почему я беспокоилась о том, что Генри может заинтересоваться кем-то другим и бросить меня.

– Я начинаю ревновать, – сказал Томас, добавив: – Тебе не приходило в голову, что не все поддается контролю. Сексуальное влечение к другим людям случается со всеми нами.

– Я знаю, и это меня пугает, – ответила я. – Это может случиться с каждым, и тогда кто-то всегда будет бороться с этим желанием и желанием обмануть, даже если он не обманщик. Это ужасно.

– Пожалуй, да, – сказал он. – Наверное, ты права. Но не совсем. Я уверен, что можно испытывать сексуальное влечение к тому, с кем не встречаешься, но часто это просто влечение. Физическое. Это происходит постоянно, и его можно подавить. Для большинства людей это не какая-то ужасная вещь, с которой невозможно справиться, хотя думаю, что кому-то это нелегко. Почти всегда в этом нет ничего страшного. Мы все учимся справляться с этим влечением, понимаешь?

Я не знала. Его слова показались мне странными. Я никогда не испытывала «просто влечения», физического импульса – только эмоциональное желание, проявляющееся физически. Я хотела секса с кем-то только тогда, когда была готова изменить свою жизнь ради него, поэтому я не поверила Генри, когда он утверждал, что его желание секса с другими не должно

угрожать мне. Когда он говорил о том, что все постоянно испытывают сексуальное влечение к другим людям, я понимала влечение только так: эмоциональное стремление – любовь, всепоглощающая и подавляющая. И такое влечение должно стать катастрофой для наших отношений, если оно будет направлено на кого-то, кроме меня. Сейчас это звучит нелогично и похоже на невероятную наивность, но для меня желание любви и желание секса всегда были неразрывно связаны. Я интересовалась сексом, но никогда не хотела заниматься сексом с кем-либо до Генри.

Разговор с Томасом заставил меня задуматься, почему то, что он считал само собой разумеющимся, было для меня откровением. Я задалась вопросом, чего еще я не знала о сексуальном влечении. Несколько месяцев спустя я обедала с Джейн и спросила ее, что такое сексуальное влечение. Я задала этот вопрос впервые, но к тому времени уже подозревала, что ее ответ не совпадет с моим взглядом на мир.

* * *

Через десять лет после того, как я впервые столкнулась с термином «асексуальность», я вернулась к этой теме, желая выяснить, что я неправильно поняла. Я давно знала, что сексуальное влечение и сексуальное поведение – это не то же самое и что не обязательно одно вытекает из другого. Я знала, что, вообще говоря, сексуальное поведение находится под нашим контролем, а сексуальное влечение – нет. Всегда было ясно, что гей или гетеросексуальная женщина могут заниматься сексом с женщинами и это не влияет на их сексуальное влечение. Я поняла, что асексуальность – это отсутствие сексуального влечения, а celibat – это отсутствие сексуального поведения.

Прочитав больше, я впервые поняла, что можно не испытывать сексуального влечения, но при этом хотеть секса, точно так же как физически не испытывать желания или отвращения, например, к крекерам, но при этом получать удовольствие от их поедания во время приятного социального ритуала. Отторжение от секса является довольно очевидным признаком отсутствия сексуального влечения, но асексуальность также может быть скрыта за социальной перформативностью или желанием заняться сексом по эмоциональным причинам – а также из-за того, что различные виды желания связаны между собой так плотно, что их бывает трудно распутать. «Люди, которые никогда не испытывали сексуального влечения, не знают, что это такое, и понять, испытывали ли они его когда-либо, может быть непросто», – написал первоклассный исследователь Эндрю Хиндерлитер в письме редактору журнала *Archives of Sexual Behavior* в 2009 году⁴. Да, именно так.

Сексуальность, как ее понимают аллосексуалы, была для меня совершенно чуждой, и осознание этого в двадцать с небольшим лет изменило мою жизнь. Выключатель, который щелкал у других в период полового созревания, так и не сработал у меня. В этот период большинство подростков начали мастурбировать, у них были поллюции или сексуальные фантазии, и для них были значимы физические прикосновения и ощущения – запах волос или вид обнаженного плеча. У некоторых это происходило немного позже. У других, таких как я, ничего из этого не произошло. Я выросла и стала раздражительным подростком, но по-прежнему не обращала внимания на тела вокруг меня, не говоря уже о том, чтобы что-то от них хотеть. Мои увлечения в подростковом возрасте, хотя и были сильными, мало отличались от тех, что были у меня в детстве, и основывались на эстетическом влечении и интеллектуальном общении. Даже в мечтах я представляла себе лишь что кто-то, кто мне нравился, предложит мне встретиться. И не больше того.

⁴ Andrew C. Hinderliter, Methodological Issues for Studying Asexuality, *Archives of Sexual Behavior* 38, no. 5 (2009): 620, <https://doi.org/10.1007/s10508-009-9502-x>.

Асексуальность объясняла, почему я была так озадачена, когда моя одноклассница забеременела. «Проще никогда не заниматься сексом», – подумала я. Это же так естественно, а как раз занятия сексом требуют дополнительных, лишних усилий.

Что могло заставить ее пойти на такой риск? Теперь я поняла, почему все было не так просто. Наш опыт был принципиально разным, но это было не настолько очевидно, чтобы я начала задавать себе вопросы.

Теперь я поняла, как моя асексуальность защищала меня. Я была асом, и это избавило меня от сексуальных отвлекающих факторов, от плохих или любых связей вообще, от случайных отношений, которые заканчивались неразберихой. Я также видела, как моя асексуальность – или, вернее, моя неосведомленность о ней – причинила боль Генри и мне. Асексуальность никогда не была причиной наших неудач. Во всем виноваты жизненные обстоятельства, незрелость и боязнь осуждения. Тем не менее моя неосведомленность увеличивала страх, что привело к краху наших отношений. Я была напугана в основном потому, что мне не хватало, – но я не осознавала этого, – личного опыта сексуальности. Я не понимала, что это такое и как управлять ею. Ограниченная своими знаниями, стесненная своим опытом, я видела монстров там, где были только тени.

* * *

Легко посочувствовать Люсиду, меня понять сложнее. Отвращение, которое у Люсида вызывает секс – угри, тошнота, – сильно отличается от опыта большинства, поэтому люди думают, что именно такой и должна быть асексуальность. С другой стороны, мой опыт может показаться типичным для менее повернутого на сексе человека в сексуальном обществе, в отличие от чего-то необычного или чего-то, что требует отдельного ярлыка идентичности. Многим людям, испытывающим влечение, моя история может показаться знакомой, но они предпочитают не идентифицировать себя как асексуалов. Так почему я отношу себя к асексуалам, когда могу считаться алложенщиной, не имеющей сексуальной мотивации?

В первую очередь потому, что многие составляющие моего опыта – например, тот факт, что я никогда не думаю о сексе и могу быть целомудренной всю жизнь без особых проблем, – совпадают с опытом других асов. Когда я узнала об асексуальности, это вызвало шок признания, но не отторжение. Я всегда была сторонницей использования подходящего слова, даже когда мне не нравились ни опыт, ни слово.

Тем не менее слово «асексуальный» само по себе было бы бессмысленным, если бы оно только описывало опыт и не связывало меня с людьми, которые помогли бы мне понять этот опыт. Асексуальность всегда была политическим ярлыком с практической составляющей, и более важная причина, по которой я идентифицирую себя как аса, заключается в том, что это принесло мне пользу. Когда наши отношения с Генри закончились, у меня были проблемы с пониманием себя и других, пока я не узнала об асексуальности. У меня были сильные сложные чувства и мысли по поводу романтики и секса, но мне не хватало слов, чтобы выразить их. Остальные асексуалы всё понимали. Они помогли мне разобраться в себе и своей жизни. Хотя принятие асексуальности вызывало внутреннее сопротивление, оно значительно прояснило мой опыт. Оно позволило мне по-новому взглянуть на мир.

Мир не состоит из асов и алло. Если представить некую шкалу сексуальности, то люди вроде Люсида находятся дальше от конца алloseксуальности, а люди вроде меня – ближе к нему. Мне не хочется думать об асексуалах как об отдельной группе, совершенно не похожей на «нормальных» людей, или о членстве в ней как о цели, которую можно достичь только с помощью выполнения всех пунктов контрольного списка. Я не считаю, что у асексуальности более высокие стандарты, чем у любой другой ориентации. Никто не думает, что все алloseксуалы одинаковы или что они постоянно испытывают сексуальное влечение. Их сексуальный

статус не подвергается сомнению каждый раз, когда они отказываются от секса. Асексуалы также не являются монолитной группой, – и если более гибкое, всеобъемлющее определение означает, что образы аса и алло размываются, и все больше людей можно считать асами, то это только подтверждает мою мысль.

В этой книге сосредоточен опыт асексуалов. Нас не волнует проблема поиска сексуального партнера, но мы и не против секса. Мы не просим людей прекратить заниматься сексом или чувствовать себя виноватыми за то, что он им доставляет удовольствие. Мы просто предлагаем подвергнуть сомнению собственные сексуальные убеждения и обещаем, что мир станет лучше и свободнее для всех. Я надеюсь, что читатели-асы увидят здесь себя и, наконец, почувствуют себя понятыми. Я надеюсь, что читатели, не являющиеся асексуалами, также узнают из этой книги что-то о себе и найдут концепции и инструменты, которые помогут им развеять собственные заблуждения относительно их места в этом мире. Мы все еще пытаемся его осознать.

Глава 2. Объяснение через отрицание

О ЛЮДЯХ, КОТОРЫХ МОЖНО БЫЛО ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ КАК АСЕКСУАЛЬНЫХ, известно уже давно. О них точно упоминалось уже в 1940-х годах, когда Альфред Кинси разрабатывал свою модель сексуальной ориентации. Кинси полагал, что сексуальная ориентация – это нечто большее, чем бинарная оппозиция гомо-и гетеросексуальности. Он создал шкалу с отметками от нуля до шести: ноль для тех, кто исключительно гетеросексуален, шесть для тех, кто исключительно гомосексуален, три для бисексуалов⁵. Сегодня на шкале Кинси основаны представления о сексуальной ориентации на Западе.

Однако эта шкала не учитывает асексуалов, хотя Кинси было известно о них. Во время тысяч проведенных интервью Кинси встречались люди, не соответствующие его шкале, – у них, говоря его языком, «не было социально-сексуальных контактов или реакций»⁶. Столкнувшись с данными, не соответствующими его теории, он не пересмотрел ее, чтобы сделать шкалу многомерной. Вместо этого Кинси выделил асексуалов в отдельную категорию под названием «Х». При этом по-прежнему основное внимание уделялось гетеросексуалам, гомосексуалистам и бисексуалам, а о группе Х почти забыли. Обозначение той или иной группы людей играет важную роль, потому что язык властвует над нами. Он создает категории, которые помогают интерпретировать мир, а то, что нелегко передать с помощью языка, часто игнорируется и в мыслях. Общий словарный запас делает идеи более доступными, и наоборот, в его отсутствие опыт одних людей становится непонятным для других – прямой путь к изоляции.

Интернет помогает преодолеть это непонимание и изоляцию. Спустя шестьдесят лет после интервью Кинси те, кто когда-то был отмечен знаком Х, нашли друг друга на досках объявлений, форумах и блогах. Они начали говорить о своей жизни, о том, что именно они хотят и не хотят в отличие от других, при этом их опыт невозможно классифицировать с помощью теории Кинси. Асексуальность не является «интернет-ориентацией», и интернет не привел к появлению асексуальных людей. Люди идентифицировали себя как асексуалов на протяжении десятилетий до его изобретения, а в 1970-х годах асексуальность уже обсуждали в самоизданных работах и журналах⁷. Интернет лишь помог достичь этим дискуссиям таких масштабов и объемов, которые раньше были невозможны.

Люди, писавшие сообщения на этих досках объявлений и форумах в начале 2000-х годов, оказали огромное влияние на формирование современного понимания асексуальности. Эти первые активисты (некоторые из них дали мне интервью для книги) теперь считаются людьми в возрасте, хотя большинству из них только за тридцать. Асексуальность – это не их изобретение. Ни одна группа и ни один человек не имеют права говорить от лица всех асов. Тем не менее эти активисты намеренно, методом проб и ошибок, а иногда и случайно, заложили основы движения асов. Молодые люди, общавшиеся друг с другом, разработали базовую структуру, которую до сих пор используют все впервые узнавшие об этой ориентации, исследователи, изучающие идентичность, журналисты вроде меня и многие другие. В ходе их обсуждений появилось само понятие асексуальности, и этот термин стал преобладать над другими вариантами, такими как «несексуальный». Большая часть этих знаний была получена неофициально, поэтому я прямо цитирую блогеров. Штатные ученые – не единственные люди, на знания и опыт которых можно опираться.

⁵ Donna J. Drucker, Marking Sexuality from 0–6: The Kinsey Scale in Online Culture, *Sexuality & Culture* 16, no. 3 (September 2012): 243–46, <https://doi.org/10.1007/s12119-011-9122-1>.

⁶ Alfred C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin, *Sexual Behavior in the Human Male* (Philadelphia and London: W.B. Saunders, 1948), 656.

⁷ Julie Kliegman, *How Zines Paved the Way for Asexual Recognition*, them., November 6, 2019, <https://www.them.us/story/aseexual-zines>.

В сравнении со всей историей человечества интернет еще очень молод, как и современное движение асов и соответствующее исследование асексуального опыта. Таким образом, движение асексуалов в некотором смысле является экспериментом в реальном времени. Этот эксперимент стал возможен благодаря интернету, объединяющему людей для создания социального движения и новой культуры, которая противодействует социальной одержимости сексом и оставляет место для всех: асексуалов, аллосексуалов или сомневающихся – тех, кто хочет иметь свободу получать удовольствие иными способами.

* * *

Первой известной веб-группой, пропагандирующей асексуальность, была Haven for the Human Amoeba, открытая на сервисе Yahoo! Groups в 2000 году⁸. В 2001 году первокурсник Уэслианского университета по имени Дэвид Джей создал Сеть видимости и образования асексуалов (AVEN), поместив ее в своем студенческом веб-пространстве. Следующим летом он купил сайт asexuality.org за 25 долларов наличными у парня в обшарпанной машине и создал форумы.

Для остального мира слово «асексуал» ассоциировалось с бесполом размножением, при котором организмы воспроизводят себе подобных без секса – как известно из школьной биологии. Члены этих ранних онлайн-сообществ, в которые также входило Официальное асексуальное общество и несколько групп LiveJournal⁹, обсуждали, что это слово может означать в применении к людям и какое поведение может вызвать навешивание этого ярлыка или, наоборот, лишение его. Некоторые люди, которых называли антисексуалами, считали, что асексуалы превосходят все остальные категории. Другие считали, что ярлык асексуала следует использовать только для тех, кто не мастурбирует¹⁰.

Дэвид Джей хотел, чтобы сайт AVEN предлагал иную точку зрения. Он давно выступал за социальную справедливость и не желал участвовать в спорах о том, остается ли лесбиянка таковой, если она спит с мужчиной: конечно, остается. Асексуалы по своей сути не лучше аллосексуалов, а асы, которые не мастурбируют, ничем не лучше тех, кто этим занимается. Речь идет о вариациях, а не о превосходстве или неполноценности. Он подумал, что было бы лучше концептуализировать асексуальность, рассматривая ее как сексуальную ориентацию и идентичность, что поможет навести мосты с большим сообществом ЛГБТК+. Определение, в котором особое внимание уделяется сексуальному влечению, а не поведению, помогло бы отличить асексуальность от целибата, а также применить к ней логику других сексуальных ориентаций. Если гетеросексуал – это тот, кого сексуально привлекает противоположный пол, тогда асексуальный человек не должен испытывать сексуального влечения ни к кому. (Первоначально Дэвид описал асексуала как человека, которого сексуально не привлекает ни один из полов. После того как эксперты посоветовали ему избегать гендерной бинарности, он изменил определение, сделав акцент на «отсутствии сексуального влечения».) Инклюзивный дух и простота объяснения помогли сделать AVEN де-факто группой асексуалов¹¹.

К сожалению, решение определить асексуальность, используя ту же лингвистическую и теоретическую логику, что и для других сексуальных ориентаций, оказалось ловушкой. Чтобы объяснить, что такое асексуальность и что такое отсутствие сексуального влечения, мы, асы, должны описывать точные ощущения, которые не испытываем. Для этого необходимо говорить

⁸ Andrew C. Hinderliter, The Evolution of Online Asexual Discourse, PhD diss., University of Illinois at Urbana-Champaign, 2016.

⁹ Hinderliter, The Evolution of Online Asexual Discourse.

¹⁰ Andrew C. Hinderliter, How Is Asexuality Different from Hypoactive Sexual Desire Disorder? Psychology and Sexuality 4, no. 2 (2013): 171-73, <https://doi.org/10.1080/19419899.2013.774165>.

¹¹ Hinderliter, How Is Asexuality Different? 172.

об их отсутствии, доказывая, что мы ведем полноценную жизнь, а не чувствуем себя ущербными, и при этом изо всех сил пытаться объяснить, что именно у нас отсутствует.

Насколько я могу судить, сексуальное влечение – это желание заняться сексом с конкретным человеком по физиологическим причинам. Сексуальное влечение может быть мгновенным и произвольным: обострившееся ощущение, физиологическая реакция в сочетании с ментальным желанием. Мои друзья говорят, что их сексуально привлекают люди, которых они только что встретили, люди, чье общество им неинтересно, люди, которые им не нравятся или даже кажутся некрасивыми.

Приходится признать: асексуалы не испытывают ничего из вышеназванного. Но они при этом могут считать людей красивыми, иметь либидо, мастурбировать и смотреть порно. Асы могут наслаждаться сексом, любить извращения и вступать в самые разные отношения.

Для многих аллосексуалов это неожиданно. Их удивление связано не с неудачным названием, а с тем, что мало кто всерьез задумывается о сексуальности и сексуальном влечении. Оказывается, что ключ к одинаковому восприятию опыта аса и аллосексуала, – это объяснение сексуального влечения через отрицание или объяснение того, чем оно не является, и того, что отсутствие сексуального влечения не мешает нам заниматься сексом. Сексуальное влечение часто смешивают с половым влечением и другими видами влечения. На самом деле они различны, но – и это станет основной темой моей книги, – когда любые два явления часто сопутствуют друг другу или сочетаются, люди ошибочно полагают, что так происходит всегда. Различные компоненты сексуальности и влечения связаны и для аллосексуалов, но – и вот еще одна важная проблема – им не приходилось так активно бороться с путаницей, потому что она не создавала для них проблем. А вот асам приходилось.

* * *

Когда Сара, редактор лет тридцати, призналась другу в своей асексуальности, он осторожно предложил ей попробовать мастурбировать. «Он не знал, что я мастурбирую с раннего возраста, – говорит она, – но для меня влечение не играет никакой роли». Сара мастурбирует, когда чувствует – ее голос становится пронзительным и шутивным – «покалывание в своей бездне», но с ней не бывает такого, чтобы вид человека или действие вызвали физические изменения в ее теле или желание в сознании. «Я не могу понять, как работает влечение, – продолжает она. – Вы смотрите на тело, и оно вас заводит? Я этого не понимаю».

Повторяйте за мной: сексуальное влечение – это не половое влечение. Эти два явления часто рассматриваются как взаимозаменяемые, но осознание того, что они разделены, помогает понять асексуалов.

Проще говоря, половое влечение (или либидо) – это желание сексуальной разрядки, набор чувств в теле, часто сочетающийся с навязчивыми мыслями. Оно может возникнуть из ниоткуда, без очевидной причины, и быть не связано ни с кем. Это внутреннее переживание сексуальной неудовлетворенности, не зависящее от сексуальной ориентации. Женщина может быть лесбиянкой и иметь сильное либидо, то есть она часто хочет сексуальной разрядки. Мужчина может быть натуралом и иметь низкое половое влечение. Человек может быть асексуалом и совсем не желать сексуальной разрядки. Или человек может быть асексуалом и иметь так называемое ненаправленное половое влечение, это покалывание в «пещере». Ненаправленное половое влечение – это не причуда опыта асексуалов; это еще один синоним «возбуждения», которое может испытывать любой человек, потому что либидо не обязательно подразумевает сексуальное влечение. Представьте себе гея с высоким либидо в окружении женщин. Он может чувствовать себя возбужденным и хотеть секса, даже если ему не интересны окружающие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.